

*Н. В. Ефремова*¹

ВЫСОКОКЛАССНЫЙ РАДИСТ И ЧЕЛОВЕК²

Рафаэль Михайлович Вильманс. Гвардии старшина, высококлассный радиооператор, радиоспециалист радиостанции средней и большой мощности.

Награждён орденом Отечественной войны, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», юбилейными.

Рафаэль родился 4 июля 1921 года в Ленинграде. Когда ему исполнилось два года, его мать позвала большая любовь, она бросила мужа, оставив сына на попечение отца. Бабушек и няnek не было. Отец, уходя на работу, мальчика привязывал его за ножку на детской кроватке, оставляя ему кусок хлеба. Отец из дворянской семьи, перешёл на сторону революции, работал мастером на заводе «Эриксон» («Красная заря»). Он многое мог дать ребёнку: знал несколько языков, хорошо рисовал, потому и назвал сына Рафаэлем,

¹ **Ефремова Нина Васильевна** — журналист, писатель-прозаик, член Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, автор свыше 30-ти книг, в том числе для детей и подростков. Регулярно выступает перед петербургскими школьниками с рассказами о героях войны и блокады. Живёт в Санкт-Петербурге.

² Публикуется в сокращении по материалам документальной книги Н.В. Ефремовой «Труден путь к Победе», СПб, «Контраст», 2016 год.

но не умел правильно распоряжаться деньгами, постоянно задумывался над тем, как дожить до зарплаты. Позже отец женился второй раз. У Рафаэля появилась мама, но с деньгами была всё та же проблема. И мальчик, сколько себя помнил, всегда помогал семье, сначала вылавливал в Неве доски, палки на дрова. Когда подрос, стал вылавливать брёвна из развязанных плотов, менял их на продукты. Окончил только 4 класса школы и бросил её — надо было помогать семье.

Жили они в Ленинграде у Финляндского вокзала на улице Оренбургская, 11, у самой Невы. Его жизненную школу простой не назвать: голодным бывал чаще, чем сытым.

С Петергофским десантом связи нет

Когда Рафаэлю исполнилось 18 лет, в Балтийском морском пароходстве ему предложили работу на лоцманском судне «Туман», которое входило в состав Северного флота. Шла война с Финляндией. Команда занималась разминированием финских шхер. Мин много. Работа сложная и опасная. Но Рафаэлю она нравилась. Здесь не надо было заботиться о еде, одежде, об отце. А трудностей он не боялся. Вскоре на «Тумане» заметили, какой он исполнительный, быстро всё соображает, с удовольствием берётся за любое дело, даже если оно с риском для жизни. Скоро он стал матросом 1-го класса. Ему посоветовали овладеть какой-нибудь специальностью, например, поступить в Школу связи КБФ в Кронштадте. Через год работы на «Тумане» Вильманс — уже курсант этой Школы. В учебном отряде он учился с удовольствием, всё быстро схватывал, был лучшим.

Шёл 1941 год. 22 июня утром на занятиях кто-то сказал, что ночью летали немецкие самолёты. Началась война. Курсантов, с которыми учился Рафаэль, распределили по воинским частям, а его, лучшего курсанта, оставили в школе на преподавательской работе. Война смешала все карты, в Школу связи стали брать и девушек. Он учил своему делу и их. Враг подошёл к Ленинграду. У стен города шли кровопролитные бои.

16 сентября 1941 года на линкоре «Марат» было особенно «жарко». Фашисты подошли к берегу Невской губы. Это от Ленинграда так близко, что с линкора, который стоял в ковше ограждённой части Ленинградского морского канала, невооружённым глазом можно различить фигуры фашистов с автоматами, передвигающихся мотоциклистов. Зенитные орудия, предназначенные для

боя с самолётами, стреляли по береговым целям. Впервые в своей истории линкор «Марат» вёл огонь по видимым береговым целям одновременно из орудий всех калибров: главного, противоминного и зенитного. Но доставалось и кораблю. Его обстреливали одновременно несколько вражеских батарей и бомбили с самолётов.

На линкоре много раненых и убитых, в том числе и радист. Из учебного отряда Вильманса прислали радистом. Скоро линкор сменил место стоянки, пришёл в Кронштадт. Но здесь оказалось ничуть не спокойней, чем в ковше Ленинградского морского канала. Радисты в радиорубке, не снимая наушников, часами сидели у своих приёмников, прослушивали эфир.

Рафаэль обнаружил, что немецкий корректировщик передаёт координаты «Марата»: на коротких волнах слышны слова: «Achtung. Achtung...» и цифры. Рафаэль принял решение создать радиопомехи для передачи. Он передвинул подвижную каретку по реостату, создавая помехи, заглушая команды корректировщика. Радиорубка наполнилась радишумами. Корректировщик перешёл на новые волны, но Рафаэль со словами — «В эфир больше не выйдешь» — снова передвинул каретку. Корабли Балтийского флота являлись мощной защитой Ленинграда, особенно линкоры с их грозными орудиями.

19, 21 и 22 сентября гитлеровская авиация совершила массированные налёты на корабли, стоящие на рейдах и в гаванях Кронштадта.

23 сентября в одиннадцатом часу на предельной дальности были обнаружены большие группы самолётов. «Юнкерсы» разделились на три группы и стали заходить для «звёздного налёта». Зенитчики встретили их дружным огнём, корабли стали маневрировать. Один из снарядов попал в госпиталь, там начался пожар. Немедленно командир «Марата» капитан 2-го ранга П.К. Иванов распорядился послать краснофлотцев на помощь в госпиталь. Среди них был Рафаэль.

Когда краснофлотцы подошли к госпиталю, лестницы были в огне и дыму, проходы перерезаны огнём. Маратовцы вытаскивали раненых из окон и переносили их на себе. Вильманс, спасая раненых и медперсонал, рискуя сорваться, ловко по водосточным трубам подлезал ко второму или третьему этажу и на спине спускал людей на землю.

В это время раздался взрыв сильный взрыв: в носовую часть линкора «Марат» попали две бомбы по 1000 килограммов каждая, сдетонировали боеприпасы. В этот трагический день

погибло 324 члена экипажа вместе с командиром корабля Ивановым. Повреждённый линкор теперь перестал быть боевой единицей. Вильманса вернули в Школу связи.

Осенью в Кронштадте начался отбор добровольцев в отряд Ворожилова, зачисляли рослых, мускулистых, физически сильных, самых дисциплинированных. Никто не знал, какие задачи придётся выполнять. 3 октября 1941 года формировался отряд Петергофский десант: 1000 добровольцев, преимущественно коммунистов и комсомольских активистов, отлично владеющих стрелковым и холодным оружием.

В Школе связи все выстроились в две шеренги, правофланговым был Рафаэль двухметрового роста. Поступила команда идти в клуб переодеваться в солдатское. Для Рафаэля формы нужного размера не нашлось. Он остался в чёрной фрорме.

Командир Школы связи капитан 2-го ранга Лежава поручил Вильмансу возглавлять особую группу радистов, передав пятерых ему в подчинение. Группа была направлена в распоряжение коменданта крепости — нужно ловить позывные ракетчиков. Обязанностью радистов стала и связь с Петергофским десантом.

Все с волнением ждали каких-нибудь сигналов из Петергофа. Уже трое суток от десанта не было никаких вестей. Тщетно вслушивались в Кронштадте радисты. В наушники не пробивались звуки морзянки. А у добровольцев была рация, и не одна, ракетницы, у нескольких моряков за пазухой почтовые голуби. В свободное время ночью Рафаэль, как и многие другие, кто имел отношение к десанту, вглядывался в петергофский берег, пытаясь уловить их световые сигналы, но во вспышках взрывов, во множестве цветных ракет, ничего понять было невозможно. Десантникам пытались помочь. Но на минах подорвался «морской охотник», та же участь ждала и катер с боеприпасами. Никто не смог подойти близко к берегу. Каждого на подходе встречал

ожесточённый артиллерийский огонь. Не принесла достоверных связей и авиация.

С Ораниенбаумского «пяточка» посылали одиннадцать групп разведчиков по три человека, но вернулись только восемь, да почтовый голубь без голубеграммы. Позже стало известно, что весь десант погиб. Но не напрасно, немцы вынуждены были перебросить в Петергоф войска, предназначенные для штурма Ленинграда.

Вскоре после этих событий при обстреле Рафаэль был ранен в ногу. В госпиталь идти отказался, лечился при части.

2 января 1943 года батальон моряков отправили в Лисий Нос, где собирали экипаж для отправки в Невскую Дубровку. По льду Финского залива шли пешком. У Рафаэля болела недолеченная нога, но он об этом никому не говорил, как же, война идёт уже больше года, Ленинград в блокаде, а он по-настоящему ещё ничем не помог Родине.

Рафаэлю, как старшему группы, выдали продукты на шесть дней, целый мешок. Когда добирались до Финляндского вокзала, где пешком, где на машине, он общался с ленинградцами, слушал о трудной жизни блокадников, за каждого переживал и что-то давал из мешка. Один из собеседников посочувствовал ему. Сказав, что его отец, вероятно, умер в «долине смерти». Так немцы называли район райкома партии — самое обстреливаемое место.

Когда добрались до Финляндского вокзала, оказалось, что поезд пойдет нескоро. Виктор предложил сходить по адресу, где Рафаэль жил с отцом до войны, благо, что улица Оренбургская от вокзала недалеко. Он и договорился с начальством, пообещал, что вернутся скоро.

К своему удивлению, Рафаэль увидел отца, совершенно истощённого, высохшего. Первое, что спросил отец, есть ли что-нибудь поесть.

Рафаэль ответил, что не думад, что отец жив; отец не отвтил ни на одно его письмо. С тяжёлым сердцем Рафаэль уходил из родного дома. Он любил отца, который его вырастил, и всегда, сколько было сил, помогал ему. Об этой встрече Вильманс вспоминал до конца жизни. Но его отец, к счастью, выжил в блокаду.

В районе Шлиссельбургско-Синявинского выступа

На Невской Дубровке группа радистов Рафаэля попала в радиопузел оперативной группы гвардейской миномётной части 602-го стрелкового полка 2-й гвардейской артиллерийской дивизии

ордена Суворова. Дивизия входила в 67-ю армию Ленинградского фронта под командованием генерал-майора М.П. Духанова, действующую на левом берегу Невы. Радисты сразу приступили к работе. В первый же день стало ясно, что готовится большое наступление. Войскам 67-й армии предстояло преодолеть под вражеским огнём почти девятисотметровый открытый участок замёрзшей Невы, взять крутой берег, обильно насыщенный вражескими огневыми точками, прорвать оборону противника и двинуться навстречу 2-й ударной армии.

602-й стрелковый полк был овеян славой ещё в Финскую войну. Ему определялась задача, форсировать Неву между Шлиссельбургом и 8-й ГЭС, наступать на Синявино и Рабочий посёлок № 5.

На Шлиссельбургско-Синявинском выступе немецкое командование сосредоточило около 5-ти (из 26, имеющихся в гитлеровской армии) полностью укомплектованных пехотных дивизий по 12 тысяч человек в каждой, до 50 танков и штурмовых орудий, другие средства усиления.

12 января 1943 года в 9 часов 30 минут артиллерийские полки и дивизионы открыли огонь по врагу. Берега Невы, приневские леса и болота дрогнули от необычно громкого удара многих орудий гвардейских миномётных полков. Так началась артиллерийская подготовка перед наступлением на укреплённые позиции противника на левом берегу. 2 часа 20 минут долбили оборону противника орудия Ленинградского фронта. 1 час 45 минут длилась артиллерийская подготовка на участке прорыва Волховского фронта. Им помогала авиация. После этого войска двух фронтов одновременно перешли в наступление.

Немцы защищались с необычным упорством за каждый метр, за каждую высоту, непрерывно атаковали. Кровь в прямом и в переносном смысле лилась рекой. 18 января в 9 часов 30 минут на восточной окраине Рабочего посёлка № 1 произошла встреча частей 2-й ударной и 67-й армий. Блокада была прорвана.

Стремясь всеми мерами остановить продвижение советских войск, командование 18-й немецкой армии поспешно перебросило отдельные подразделения и части в район Шлиссельбургско-Синявинского выступа, чтобы восстановить прежнее положение, не допустить прорыва блокады Ленинграда. Противник, владея высотами, угрожал новым выходом к Ладожскому озеру и новой блокадой Ленинграда, стягивал силы. За 10 недель тяжелейших боев начала 1943 года 18-я немецкая армия потеряла 95 тысяч

состава, но сохранила за собой стратегически важные Синявинские высоты, что давало им большое преимущество перед советской армией, которой наступать приходилось в болотах. Немецкое командование упорно продолжало накапливать силы, чтобы восстановить блокаду Ленинграда.

Готовила силы для нового наступления и советская армия.

Рафаэль рвался в бой. Работу радиста он знал и выполнял хорошо. С того времени, когда его не взяли в Петергофский десант, он искал, где бы он мог быть наиболее полезным, готов был идти на любое опасное дело. Но его порыв сдерживали, его берегли, как высококлассного радиста. Всё-таки он добился, чтобы его послали в разведку. Разведка в советской армии была слабым местом в отличие от немцев, у которых даже были агенты в наших рядах. При мощной оборонительной системе противника, при плотности войск и огня на данном участке разведчики оказались в особо сложных условиях. Плотность войск и огня превышала все принятые в немецкой армии нормы для обороны.

В разведке одного желания взять языка и ненависти к врагам мало, нужно ещё и умение. Командиром группы разведчиков был Семёнов, профессионал, специалист своего дела. В одной из вылазок этот профессионал чуть не пустил пулю в лоб Рафаэлю. В тот раз языка взяли, уже возвращались, в определённом месте залегли и ждали сигнала, зелёную ракету, тогда для них будет свободен путь. Ждали долго. И вот Рафаэль сказал, что видел её. А командир группы уверял, что ракета была красной, а это значит, надо ждать. Командир приставил ко лбу Рафаэля пистолет, сказав: «Иди первый. Но знай, если засада, тебе не жить». Всё обошлось благополучно, языка доставили вовремя.

В следующий раз, после того, как предыдущая группа не вернулась с задания — в районе 8-й ГЭС был сильно укреплённый участок, — на задание пошли вчетвером. Достигли своего боевого охранения, поползли по «нейтралке». Внимательно осмотрели передний край. Ещё раз уточнили заранее продуманный путь движения. И тут заметили, что противник выставил дополнительные посты. Значит, надо принимать другое решение.

Семёнов посоветовался с Вильмансом. Решили отползти в сторону метров 600 и там решить, как быть дальше. Но на это ушло драгоценное время. Стало светать. Пришлось в расположении противника пролежать весь день и вечер. Зато вернулись с пленным. Когда добрались до боевого охранения, по телефону сообщили командирам, пославшим их, только одно слово — «победа», что означало, что «язык» доставлен.

Последняя разведка была драматической. Языка должны были брать в районе 8-й ГЭС. В этот раз проход на территорию, занятую немцами, им подготовили. Трое разведчиков в белых маскхалатах, незаметные на снежном поле, неслышно подползли к траншее противника, захватили немца, сунули ему кляп в рот. Траншея была глубокой, фашист оказался тяжёлым. Когда его вытаскивали, их обнаружили, стали стрелять, кидать в них гранаты. Они уже почти преодолели опасную зону, когда следующая граната разорвалась совсем близко. Командира группы и «языка» убило, Горячко ранило в ноги, а Рафаэля — в спину. Он почувствовал, как по спине полилось что-то горячее, но скоро и сильную боль. Быстро сработала мысль: «Сдаваться нельзя, немцы с моряками обходятся особенно жестоко». Сразу вспомнился Петергофский десант, ведь рвался с ними, а им досталось ещё хуже. Боль в спине ужасная. Капли крови капали на снег. Медлить нельзя, ясно, их схватят. Рафаэль взвалил Горячко на спину и понёс. «Если хватит сил, то дойдём, если нет — то погибнем. Граната для этого есть», — вспоминал он об этом эпизоде.

Сил хватило, но только до того момента, когда Рафаэль увидел своих. Добраться до санитарной роты ему помогли, а там он упал без сознания. Полковой врач удивился, как он смог дойти, а когда узнал, что он на спине принёс раненого, удивился ещё больше. В медицинской справке Вильманса значится: «сквозное осколочное непроникающее ранение грудной клетки сзади... С 3 февраля 1943 года находился на излечении в ЭГ 2012. Выбыл 6 марта 1943 года в батальон выздоравливающих на 15 дней». До сих пор на память о том событии остался широкий грубый рубец вдоль всего позвоночника в палец шириной.

Батальон выздоравливающих находился на 1-й линии Васильевского острова в Мраморном дворце. Неугомонный Рафаэль помогал старшине, который хотел его оставить в батальоне после выздоровления. Как-то, выполняя очередную просьбу старшины, Рафаэль оказался у Финляндского вокзала и зашёл к отцу. Когда тот услышал, что предложили его сыну, строго сказал: «Нет, сынок. Надо служить честно. Никаких поблажек быть не должно. Иди на пересыльный пункт».

Пересыльный пункт был на Поклонной горе. Вильманса направили на Фонтанку, 90 к старшине оперативной группы гвардейской миномётной части (ГМЧ) старшему сержанту Виктору Константинову, которому было поручено подобрать толкового радиста. Скоро они стали лучшими друзьями. ГМЧ, в которой

были и «Катюши», подчинялась командующему артиллерией Ленинградского фронта генералу Г.Ф. Одинцову. Рафаэля назначили командиром радиовзвода. В его подчинении оказались 15 радиостанций. Они держали связь со многими подразделениями, и не только артиллерийскими.

А с конца 1943 года базой его радиовзвода стала часовня на Пулковских высотах. Там у него был свой пост. Радисты его взвода трудились напряжённо. Все 15 радиостанций за короткий срок не только привели в порядок, но каждую не один раз проверяли и перепроверяли. За работой радиовзвода лично следил начальник штаба. Надо было добиться того, чтобы приёмо-передающие радиостанции работали непрерывно длительное время. Рафаэль учил, как правильно пользоваться аппаратурой, как настраивать её, пользоваться таблицами, как устанавливать антенну. Лазали по чердакам, работали на ключе. Каждый должен уметь быстро принять информацию, связаться с нужным объектом. Требовалось в любой момент иметь связь с начальником штаба части и со всеми полками. А лично они общались только с разведчиками, от которых получали информацию.

Связисты в бою

Ночью на 15 января 1944 года гвардейцы корпуса Н.П. Симоняка, входившие в состав 42-й армии, без огня прошли по улицам Ленинграда через открытые для них заграждения и баррикады к Пулковским высотам, где скрытно заняли траншеи всего в 200-х метрах от передовых фашистских частей. «Северный вал» — хорошо оборудованная в инженерном отношении линия обороны, которую гитлеровцы воздвигали более двух лет. На каждый километр фронта приходилось 10–12 дзотов, бронеколпаки, железобетонные доты, защищённые минными полями, проволочными заграждениями, противотанковыми рвами и эскарпами. В первой линии вала противника была танковая и 12 пехотных дивизий, а в резерве находились ещё три пехотных дивизии и 160 танков. Своим «Северным валом» гитлеровцы гордились, считали его способным выдержать любой натиск.

В 9 часов 20 минут началась стоминутная артиллерийская подготовка, во время которой сапёры делали проходы в ограждениях противника, по которым в 11 часов пошли воины 42-й армии. Ураганный огонь нашей артиллерии и стремительная атака танков и пехоты в первый момент наступления ошеломили фашистов. Вильманс отмечал панические донесения: «Несу большой

урон от пушек», «Русские прорвались. Мы отступаем», «Траншеи разрушены». Но вскоре гитлеровскому командованию удалось наладить управление боем и организовать сопротивление нашим войскам, подтянуть свои резервы.

Когда началось наступление, все члены радиовзвода надели наушники и замерли над своими радиостанциями. Вильманс отвечал за связь своего взвода с радистами 15 артиллерийских полков и «Катюш», с их корректировщиками, с радистами, находившимися на чердаке недостроенного здания Дома Советов на Московской площади, откуда руководили командующий артиллерией Ленинградского фронта генерал Г.Ф. Одинцов и начальник оперативной группы гвардии миномётной части генерал-майор Бруссер.

Бойцы наступали, расстояние до орудий быстро увеличивалось. Антенны стали плохо ловить сигналы. Радисты полезли устанавливать свои антенны на крыше обсерватории. Но скоро и это перестало помогать. А наступающим требовалась линейная и радиосвязь.

Получив приказание из Дома Советов, Вильманс разделил своих подчинённых в группы по три человека, дал указание, кому куда идти. Радисты с переносными радиостанциями отправилась за наступающими. Портативная переносная радиостанция А-7Б состояла из двух тяжёлых упаковок, в одной передатчик, в другой питание. Обслуживать такую станцию положено втроем.

На подступах к Красному Селу и Дудергофским высотам 18 января развернулись ожесточённые бои. Красное Село для фашистов — особо важный объект. Через этот город проходили железная и шоссейная дороги, по которым шло снабжение войск, действующих под Ленинградом. Туда Вильманс направился сам с двумя радистами. С ними шёл связист — старший сержант Виктор Константинов — с тяжёлыми катушками, на которые был намотан провод для связи. Его напарник был убит, и Рафаэль ему помогал, нёс одну из катушек. Радисты периодически останавливались, прослушивали эфир. Несмотря на сильный огонь противника, Вильманс непрерывно поддерживал связь с командным пунктом, со своими радистами, передавал команды и просьбы.

Одна из команд была обращена лично к ним:

— Помогите наступающим на Красное Село. Ждите транспорт.

Почти сразу после этой команды около радистов остановилась немецкая трофейная машина. Из неё выскочил майор и приказал Вильмансу: «Раскрывай свою контору. По дороге из Константиновки на Красное Село движется колонна танков противника

в сторону 291-й стрелковой дивизии генерал-майора В.К. Зайончковского, наступающего на Красное Село».

Начался сильный обстрел. Вильманс с рацией, которую берёт пуще глаза, спустился в траншею, на дне которой вода, грязь. Когда он прыгал в траншею, больше всего беспокоился о передатчике. Его белая кубанка на меху, упала в грязь. Он быстро сунул её в вещевой мешок, вытащил из кармана пилотку, надел. Отсюда он передал радистам от подполковника Алымова просьбу помочь 291-й дивизии. Алымов развернул свой полк и залпы «Катюш» направил по вражеской колонне.

Пока Вильманс выстукивал морзянку, «Катюши» дали залп, после которого от колонны противника ничего не осталось.

У Красного Села пути Вильманса и Константинова разошлись. Вокруг тысячи чёрных воронок, разбитые танки и машины, исковерканные орудия, развороченные траншеи, окопы, трупы фашистов. Чтобы помешать наступлению наших войск, фашисты у Красного Села взорвали плотину. Ледяная вода разлилась вокруг, образуя озеро, где по колено, а где по пояс. Но гвардейцы 64-й дивизии преодолели затопленный участок и овладели восточной частью Красного Села.

В это время с северо-востока ворвались воины 291-й дивизии. Разлившаяся вода помогла им захватить противотанковую батарею фашистов, её орудия тут же повернули против гитлеровцев.

Красное Село освободили 19 января. Это была первая победа под Ленинградом в 1944 году. Но самой трудной явилась высота 173,3 — Воронья гора с обледенелыми крутыми склонами. Там, в «вороньем гнезде», размещались наблюдательные пункты, с которых просматривались южные окраины Ленинграда, располагалась тяжёлая артиллерия гитлеровцев, обстреливающая Ленинград. К исходу 18 января бойцы достигли восточных склонов высоты, но взять этот сильно укрепленный пункт не смогли. Тогда применили обходной маневр, комбинированной атакой с фронта и с тыла.

В 23 часа 19 января в районе Русско-Высоцкое состоялась встреча 42-й армии с головными частями 2-й ударной. Завершилось окружение Стрельнинско-Петергофской группировки гитлеровцев. Фронт быстро двигался вперёд. Всего восемь суток наступления, а Ленинград уже был далеко. По дороге по направлению к Ленинграду под конвоем тянулись длинные колонны военнопленных, замышлявших ещё осенью 1941 года пройти по Невскому проспекту в роли завоевателей-победителей.

Впереди Гатчина — крепкий орешек. Не просто было расколоть его, много погибло бойцов. 26 января радисты Вильманса

в немецком бункере в Гатчине варили картошку, когда в бункер вошёл командир телефонного взвода лейтенант Владимир Виноградов. Радисты обрадовались встрече, не меньше их обрадовался и лейтенант.

— Вы живы! — Виноградов повёл носом.

— Где же твои связисты? — спросил Рафаэль. — Вот, кому можно посочувствовать, так это вам. Взрывами перепахана земля, а вы с такими тяжёлыми катушками, да постоянно рвётся связь.

— Вот, вот, рвётся, — согласился Володя. — Ползаем на брюхе из ямы в яму. Фрицы-то не все успокоились. Так и жди огненного дождя. Тороплюсь за 322-м миномётным полком.

Вильманс в районе Волосова передавал координаты огневых точек противника этому же полку и спешил отыскать партизан и наладить их связь с действующей армией. Когда связь была налажена, Вильмансу приказали вернуться в Ленинград. Теперь он был начальником радиостанции.

Сердце доброе, а руки умеющие

В конце декабря подразделение, в котором служил Вильманс, в полном составе пошло в Театр музыкальной комедии на оперетту «Фиалка Монмартра». Перед началом спектакля Рафаэль увидел красавицу с белыми волосами и огромными голубыми глазами по имени Лилечка. Рафаэль не мог отвести от неё глаз.

26 марта 1945 года они поженились. Лилечка стала ему верной подругой на всю жизнь, родила ему дочь Верочку. В 1947 году Вильманс был уволен в запас. Послевоенное голодное время. Рафаэль завербовался на Колыму начальником радиостанции средней и большой мощности, которая обслуживала население, охрану лагерей, работников прииска по добыче золота.

Рафаэль, огромный, ростом 2 метра. Таким на флоте давали двойную порцию. Пока не приехала жена с дочерью, он питался, в основном, хлебом и ягодами, которые сам и собирал. Соседи по дому его пытались подкормить, но он от них ничего не брал, полагая, что у них лишнего быть не могло. Тогда они предложили ему обмен на ягоды. Когда приехала жена, сам голодный, жалея заключённых, которым жилось

ещё хуже, посылал дочку с буханкой хлеба к окну в лагере. Часовые девочку пропускали. Она протягивала буханку и убегала.

Рафаэль Михайлович с женой
и дочерью Верой

А жить рядом с заключёнными было опасно. Однажды он увидел, как несколько человек избивают мужчину, потом накрыли его бортом от машины и стали топтать, чтобы раздавить. Рафаэль большой, сильный, подскочил, раскидал мучителей. Те от неожиданности рас-

терялись, разошлись, но этот случай не забыли. Прошло немного времени, его проиграли в карты. Проигравший вызвал Рафаэля, «поговорить». Вильманс понял, что дело «тёмное», предложил:

— Пойдём в тайгу. Здесь жена и дочь.

Идут. Трое свидетелей наблюдают. Заключённый попытался накинуть на голову «собеседника» ватник, чтобы пырнуть в него финкой. В добром Рафаэле вспыхнула злость, он жалеет заключённых, помогает, чем может, а его хотят убить. Уж он так отметеллил смельчака, что тот остался едва живой. Больше заключённые к нему не приставали.

Рафаэль ремонтировал часы, научился шить планшеты, не имея инструмента, для столовой заключённым из консервных банок мастерил чашки с ручками для питья. Его желание помочь людям расценивалось не в его пользу. Говорили, что он всё делает за деньги. Специальная комиссия заключила, что, несмотря на своё голодное существование, многое для людей он делал бесплатно.

Когда приехала жена, жизнь его изменилась. Лиля его во всём поддерживала. У них появились куры. Свою Лилечку Рафаэль очень любил, по возможности старался устраивать ей сюрпризы. Однажды она выглянула в окно и увидела вокруг лиственницы цветущие жёлтые ирисы. Рафаэль рано утром принёс их с болота.

Потом семья Вильмансов переехала на Чукотку, где он один — за приёмщика и за радиста — обслуживал сразу четыре радиостанции, в том числе и «Полярку». К тому же в его обязанности

входило глушить голос Америки. Для этого у радиистов приходилось находиться днём и ночью. В этом ему помогала жена, с которой они отметили 60-летие совместной жизни.

На севере Вильманс отработал 11 лет. Потом в Ленинграде работал в Спецмонтажном управлении начальником ОТК. Поступил в техникум. Дочь окончила 10 классов, а он в тот же год — техникум Связи.

Общий стаж работы у Рафаэля Михайловича около 50 лет. Работал старшим инженером, главным специалистом по автоматике управления. Половина его трудовой книжки исписана благодарностями. Там за успехи, за активное участие в военно-патриотической работе, много раз «за рацпредложения», «за содействие и изобретательство», «за хорошую организацию учебного процесса на курсах повышения квалификации инженерно-технических работников объединения», «за авторское вознаграждение» и т. п.

Юбилей. Рафаэль и Лилечка
60 лет вместе

19 октября 2014 года Рафаэль Михайлович Вильманс скончался. Похоронен на Южном кладбище. Два года спустя вышла моя книга о нём. Мне удалось пообщаться с ветераном при жизни, записать его воспоминания, в чём мне активно помогала его дочь Вера Рафаэлевна. Она же выступала и на презентациях этой книги.